УДК 316.42 + 316.77 + 111.1

В. Е. Кемеров

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ КАК ПРОЦЕСС И КОРПУСКУЛЯРНО-ВОЛНОВАЯ МЕТАФОРА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНДИВИДОВ

В XX в. философия постепенно переходит от понимания общественной истории как структуры к ее трактовке как процесса. Это затрагивает все области философии и их взаимоотношения. Но это влияет и на состояние научного обществознания, которое зачастую уже отмежевалось от философии, в силу чего вынуждено теперь самостоятельно ставить и обсуждать философско-методологические вопросы. Возникают проблемы отношений между социологией и историей, макросоциальным и микросоциальным подходами, между социальной адаптацией и социальным конструктивизмом. В данной статье мы затронем только один аспект проблемы, а именно: как в логике социального процесса меняется понимание дискретного и континуального бытия людей, как их обособленность и связность определяют само сохранение потока социального бытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное бытие как процесс, вытеснение понятия социальной структуры, парадоксальность социального процесса, динамика социального бытия и переосмысление роли взаимодействия человеческих индивидов, корпускулярно-волновая метафора жизни человеческих индивидов, макро- и микросоциальное, саморазвитие человеческих индивидов и его влияние на ход социального процесса.

В XX столетии происходили существенные изменения в философской онтологии, особенно в социальной онтологии. Они не были слишком заметными по той причине, что отдельные социально-гуманитарные науки предпочитали сами заниматься онтологическими вопросами и не обращали внимания на то, что происходит в философии.

Еще в XIX в. была заложена традиция толкования истории как процесса. Но она не была конкретизирована. К. Марксом была сделана попытка представления социальной истории как процесса деятельности людей. Но она была заглушена политико-идеологическими установками догматического марксизма.

Радикальный поворот в философском толковании динамики бытия в XX столетии был сделан А. Бергсоном. Он представил бытие как поток, длительность, изменение. Состояния и структуры — результаты движения этого потока. Наши

© Кемеров В. Е., 2017

представления — фиксация этих состояний и структур, ибо в них «преломляются» это движение и изменение. Но представления эти «останавливают» бытие, их рамки узки для усмотрения его динамики. Наука, оперирующая такими «рамочными» представлениями, дает лишь фрагментарное и мозаичное изображение бытия. Возникает проблема проникновения в процесс, выявления его изменчивости, временности, континуальности [1]. Сам А. Бергсон использовал метафорические средства для выражения этой динамики («жизненный порыв», «творческая эволюция»). Но для социально-гуманитарных наук требовались более определенные онтологические ориентиры, позволяющие связывать разные образы социальности как разные аспекты динамичного бытия людей, их совместности и разделенности в пространстве и времени.

Классика предлагала нам представлять и понимать формы времени через формы пространства. Но возникает другой поворот. Перед формирующимися концепциями пространства-времени возникает проблема: как через формы времени определять и «раскрывать» пространство? Сведение времени к пространству оборачивалось постижением многомерной сложности бытия через отдельные фигуры пространства, их композиции и представления последних. Понимание пространства через время требует специальных усилий, средств и способов выражения. На этом зафиксировал внимание М. Хайдеггер. Он предлагает, по сути, четырехмерное толкование социального бытия, где пространство оказывается четвертым измерением времени [2].

Процессуальность, временность, континуальность–дискретность, событийность и изменчивость становятся стержневыми концептами для построения новой онтологии. Фигуры, индивиды, тела, вещи, линии и точки оказываются не столько контурными средствами ее представления, сколько отдельными выражениями процессов бытия, их взаимодействия и расхождения, их становления, локализации и преобразования. Онтология уже не рисует картину, она фиксирует, ориентирует и предупреждает, она теперь не столько карта, сколько компас.

Картина социального мира (да и вообще «картина мира») обнаруживает свой метафорический смысл; ее нельзя повесить на стенку как географическую карту, ибо она промежуточный синтез результатов социально-гуманитарного познания, да к тому же еще постоянно обновляющийся во времени.

Новая онтология

Обычные онтологические представления базируются на том, что есть предметы и процессы, социально-онтологические — на том, что есть индивиды и структуры, люди и связи, люди и процессы, то есть с одной стороны — индивиды в их обособленном бытии, с другой — взаимодействия, отношения, процессы, которые окружают людей и функционируют между ними.

Известно, с людьми тоже что-то происходит. Но пока они относительно стабильны, процессы воспринимаются и толкуются как что-то внешнее по отношению к ним. Стабильность людей и вещей и зависимость процессов от бытия людей и вещей обычно трактуются как разные планы реализации социального процесса.

Двадцатое столетие вынуждает переставить акценты в этом стереотипном представлении. Соответственно происходят сдвиги в методологии социально-гуманитарных дисциплин и философии. Как это ни странно на первый взгляд, пришло время обнаружить процессы в самих людях и предметах и определить зависимость внешних по отношению к людям структур и связей от процессности бытия человеческих индивидов.

Сказанное выше касается не только людей и вещей, но и всех аспектов рассмотрения бытия. Как говорил Н. Гартман, новая онтология должна трактовать строение и процессы «вместе». Но главное — она стоит перед задачей исследования в этом ключе «порядков человеческого общества» [3, *321*; 8].

Трансформация концепции социальных индивидов

С точки зрения методологической важно подчеркнуть: не то существенно, что люди или вещи рассматриваются в процессах, а то, как способ бытия предметов воплощает процессы, как способ бытия людей реализует и модифицирует социальный процесс, как характеристики вещей и людей выражают ход процессов и определяют их логику [4].

Неэлементарность бытия человеческого индивида раскрывается в том, что он выступает одним из множества субъектов, обеспечивающих бытие социального процесса, то есть его сохранение и организованность в условиях постоянного и дискретного проявления новых человеческих сил. В этом плане аналогии и метафоры, определяющие человеческий индивид как элемент или атом социальности, как точку или узел социального пространства, оказываются непродуктивными. *Человеческие индивиды, представленные в многомерности своего бытия, могут и должны быть поняты сами как процесс (процессы),* причем как процесс, обеспечивающий «пульсацию» общественного организма. Социальный процесс, таким образом, представляет собой *полисубъектное образование,* организованность коего осуществляется по разным линиям и переплетениям человеческой деятельности, в различных формах переноса, сочетания и роста живых и опредмеченных человеческих сил.

В бытии индивидуального человека грани и измерения, которые включают его «в социальный процесс», не рядоположены друг другу, они постоянно варьируются, «возвращаются», обновляются, образуют различные сочетания и «сплавы» и вносят тем самым в социальный процесс дополнительные мотивы, усиления, стимулы.

Если мы стремимся истолковать сложность социального именно как *процесса,* как *постоянного становления* совместной жизни людей, мы сможем обнаружить, как в вариациях индивидной деятельности людей происходит обновление и наращивание совокупной социальной жизни.

Образ социального процесса не просто зависит от позиции людей, их точек зрения, взглядов и т. п. Дело не в субъективных ориентациях, говоря традиционным языком. Дело — в значении индивидов как «узлов» социальных связей, соответственно в возможностях людей открывать (или закрывать) в своем поведении

многомерность социального процесса. Дело — в бытийной, практической способности людей «открываться» полифонической сложности социальности, сочетать и сообразовывать разные формы освоения действительности.

Континуальность и дискретность социального процесса

Здесь мы сталкиваемся с *парадоксом* социальных процессов. Суть его в том, что индивиды могут сохранять континуальность своего бытия только благодаря различным обособленным от себя «органам» и средствам, курсирующим «в отрыве» от людей по социальному пространству и социальному времени и *связывающим* именно таким образом различные состояния человеческой жизни и человеческого опыта.

Подчеркнем два обстоятельства. Во-первых, дискретные предметы, с помощью которых люди поддерживают и расширяют социальное воспроизводство своей жизни, создаются людьми в ходе эволюции общества, то есть они отделяются от функций, операций, способностей, совпадающих с непосредственной деятельностью индивидов, выделяются из социальных взаимодействий, аккумулируют в себе опыт коллективной и индивидуализированной деятельности. Во-вторых, благодаря предметному обособлению и закреплению своего опыта люди оказываются способными не только транслировать его, но и синтезировать опыт разных культур и эпох. Прерывность человеческого опыта, таким образом, оказывается и условием, и результатом социальной эволюции. И эта прерывность, обусловленная разделенность совместной деятельности людей, создает постоянную возможность новой «сборки» этого опыта в иных формах совместности или индивидного развития. Отметим, что здесь речь идет не только о дискретности языковых средств, передающих информацию, но и о самих умениях, способностях, силах людей, закрепивших в предметности свою социальную форму, а стало быть, особым образом подготовленных к «подключению» новой социальной энергии.

К сказанному важно добавить, что сами люди выступают носителями разделенной общественной жизни. Автономизация индивидов, их отделение от непосредственных социальных зависимостей, создает предпосылки для образования социальных организаций, в которых люди взаимодействуют уже не на основе жестких связей, а в силу их взаимообусловленности нормами, проблемами, потребностями, интересами. В романтической философии XIX в. такая автономизация оценивалась отрицательно, отождествлялась с механическим упрощением общественной жизни, соответственно — с частичным, односторонним функционированием человеческих индивидов. Однако автономизация вовсе не противостоит самореализации индивида: она, может быть, зачастую и является главным условием его саморазвития. Другое дело, что автономизация индивидов предполагает изменение характера внешних социальных структур и регулирующих их норм и «механизмов». Иными словами, разделенность социальной жизни, имеющая в своей основе взаимодействия автономных индивидов, нуждается и в соответствующих формах совместности, формы же эти не являются натуральными структурами; их людям приходится вырабатывать. В таких ситуациях как раз

и обнаруживается, что разделенность общественной жизни между обособленными индивидами — это не только ее расчленение, но и условие синтезирования новых качеств, предметностей, связей.

Проблема совместно-разделенной деятельности окажется еще сложнее, если мы учтем, что формами разделенности социального бытия, реализующими его «кристаллизации», являются не только люди, предметы, знаковые средства, но и отдельные моменты, аспекты, связи бытия самих индивидов. Парадокс континуума, о котором шла речь выше, распространяется, следовательно, и на *процесс* жизни индивида; и в этом процессе непрерывность и цельность реализуются через отдельные качества и свойства, их собирание и перекомпоновку.

К. Маркс в «Капитале» писал о чувственно-сверхчувственной природе человеческих предметов. Не только в их веществе, но и в скрытых в них схемах человеческой деятельности, закрепленных в них силах и способностях людей заключаются «тайны» экономики и ее дальнейшей эволюции [5]. Именно эти скрытые качества обеспечивают «встречи» их с человеческими потребностями. Они главным образом и действуют в процессе становления и развития личности, в ее отношениях с другими людьми. Это же — и, может быть, в еще большей степени — относится к самим людям, тем более в современном обществе, когда заговорили о человеческом и социальном капитале, не доискиваясь, как правило, до их источников роста, тем более не доходя до вопроса об их тождестве.

Именно люди с их силами, их способностями и знаниями и придают предметам те социальные качества, которые делают последние носителями все возрастающей или меняющейся стоимости. На этом уровне различия между стоимостью и ценностью могут стираться, хотя на рубеже XIX и XX столетий это были совершенно различные понятия и качества.

Акцентируя внимание на человеческих индивидах, подчеркнем: они являются чувственно-сверхчувственными существами, хотя, разумеется, соотношения этих качеств у них оказываются различными, но это уже социально-экономический вопрос. Именно они придают природной материи те формы, которые в настоящем виде обеспечивают социальной истории ее многообразие.

В название этой статьи намеренно включено выражение «корпускулярно-волновая метафора», а не привычное «корпускулярно-волновой дуализм». Речь не о том, что в разных отношениях и разных представлениях люди или их предметы могут фиксироваться то как частицы, то как волны социального процесса. Задача — выразить их бытие как форму процесса, в которой качество «волны» образует качество «частицы», в котором их особенность воспроизводит и преобразует социальный процесс. Люди и их вещи оказываются пространствами особого рода, несводимыми к их телесности, поскольку эти индивидуализированные и опредмеченные пространства оформляются временем совместно-разделенной деятельности, где они отделяются друг от друга и тем самым получают возможность открываться друг другу, образовывать все новые конфигурации социальности.

Когда Бергсон говорит о социальном процессе как о текучести, временности, длительности, он упускает из виду главный социально-философский вопрос: а *кто* обеспечивает все это?.. Это уже не «логика вещей» и не дарвиновская эволюция.

Как возможен социальный процесс, если в нем отсутствует напряжение, создаваемое индивидной самореализацией? Исчерпывается ли он непосредственным взаимодействием социальных индивидов, их общением, их коммуникациями? Какое значение имеют вещи для реализации связей между социальными субъектами?

Современное понимание сложной системы включает положение о том, что элементы системы тоже могут трактоваться как системы с особой организацией, с ресурсами самоизменения. Так рассмотрение общества как органической, активной системы неизбежно ставит вопрос о системном характере бытия человеческих индивидов, о возможностях их самоизменения и самореализации. Трудно представить последовательную концепцию самоизменения общества, если индивиды рассматриваются (и практически реализуют свое бытие) как винтики или зубчики большой социальной машины

Самореализация индивидов как ключевой момент развития современного общества

Существуют устойчивые представления, согласно которым деятельность людей понимается как внешний по отношению к их индивидуальному бытию процесс. В согласии с ними самореализация (самодеятельность, самоизменение, самосовершенствование или саморазрушение) человека — это своего рода пристройка к тем действиям, которые он совершает в соответствии с социальными функциями, природными или квазиприродными вещными формами. Такое понимание прочно связано с представлением о противостоянии индивидуальной и социальной жизни, с определениями человеческой самобытности за границей социальных взаимодействий. Можно сказать, оно порождено «негативным» характером определений человеческой индивидности и индивидуальности, поддерживаемых бытовой, культурной и научной традицией. Устойчивая черта таких определений — гиперболизация несоциальных, не-функциональных, непредметных аспектов бытия человеческих индивидов, стремление именно в этих сторонах индивидного бытия увидеть его специфику.

Специфика человеческой индивидности, таким образом, не определяется, а только отодвигается в «тень»: возникают другие проблемы и псевдопроблемы, в частности, проблема противопоставления рационального и индивидуального, «обставленная» логическими парадоксами.

Природа этих проблем и парадоксов раскрывается, вообще говоря, не в логике, а в истории, в конкретном анализе практических и теоретических ситуаций, которые «развели» в человеческом мышлении и «законсервировали» в человеческом опыте в качестве обособленных понятий: социальное и индивидуальное, внешнепредметное и самобытное. Сейчас важно наметить более продуктивное понимание деятельности, создающее базу для анализа, который представит, между прочим, и те ситуации, что порождают «расщепления» социального и индивидуального.

В позитивной трактовке человеческая самореализация характеризуется как важный аспект деятельности людей, как процесс, обеспечивающий постоянное наполнение социального воспроизводства живыми человеческими силами. Это,

собственно, «сердцевина» социального процесса, «срастание» и развитие человеческих способностей, обеспечивающих постоянную пульсацию деятельности. Предметные и внешне-социальные формы последней возможны как формы *деятельности* только при их наполнении самореализацией людей. Это наполнение социального процесса силами человеческой самореализации — условие, без которого он просто невозможен.

Разумеется, в конкретной истории мы не находим примеров «полной» гармонии между индивидной самореализацией и социальным процессом. Но из этого не следует, будто история иногда протекает при наличии человеческой самореализации, а иногда может без нее обойтись. Вне человеческой самореализации истории не существует. Другое дело, что она воплощается в формах, видоизменяющих и отчуждающих от людей их самореализацию: преодоление и смена данных форм, их новообразование и развоплощение и являются одной из характеристик исторического процесса.

Понимание этого важного пункта невозможно при опоре на представления об *отдельном индивиде* и «охватывающем» его обществе, порождающие малопродуктивные манипуляции с понятиями общественного и индивидуального. Непродуктивно оно и при жестком разграничении предметного бытия людей и их самореализации.

Макро и микро

В середине XX столетия в социологии была сделана попытка преодолеть эту трудность. Возникло разделение на макросоциологические и микросоциологические исследования. В макросоциологии доминировало изучение общества как Большой структуры, в микросоциологии внимание акцентировалось на взаимодействии индивидов. Таким образом продолжилось вытеснение людей из динамики социального процесса; их присутствие, разумеется, предполагалось, но они участвовали в обществе на правах исполнителей функций, носителей социальных стандартов (Т. Парсонс).

Микросоциология двигалась в колее веберианских исследований «социального действия», изучения элементарных форм человеческого поведения (Дж. Хоманс). Это разделение длилось десятилетие и грозило сдвигом микросоциологии в область социальной психологии. Но возник вопрос: как воспроизводятся Большие структуры и *кто* их воспроизводит?

Первоначально делались попытки рассмотреть макросоциологию и микросоциологию как дополняющие друг друга дисциплины. Но они в основном не выходили за границы сложившихся уже представлений о второстепенной роли индивидов, поддерживающих доминирующие структуры.

В 70-е гг. появилось несколько заметных исследователей и целые направления, существенно изменившие ситуацию. Так, Э. Гидденс разработал концепцию «структурации структур» [6], в которой человеческим индивидам отводилась роль не только носителей, но и преобразователей структур. Бурдье сформировал идею habitus'а индивида, в которой человек предстал не только носителем социальности,

но и концентратом сил и способностей, обеспечивающим энергию и развитие общества [7]. Менялось и само абстрактное понятие общества: оно представало совокупностью социальных полей, образуемых взаимодействием человеческих индивидов. Возникло мощное направление социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), акцентирующее внимание не на адаптации индивидов к социальным структурам, а на зависимости социальных структур от характера взаимодействий между людьми.

Это повлияло на весь облик социологии. Доминирующая концепция — структурно-функциональный анализ — утрачивала свой авторитет. Т. Парсонс пытался реанимировать ее за счет психоанализа и редких вкраплений историзма. Но к середине 80-х гг. крах структурно-функционального анализа и его трактовки социальных индивидов стал очевиден. Вопрос о социальных системах переходил в плоскость анализа человеческих взаимодействий и их влияния на изменение системных форм. Внимание к самореализации человеческих индивидов во всех социально-гуманитарных науках и в исследованиях повседневности указывало на радикальный поворот в обществознании и стимулировало пересмотр его методологических оснований, особенно в части трактовки соотношения социального и индивидного, социального и гуманитарного, структурного и процессного.

Самореализация не дополнительная, вторичная характеристика человеческой деятельности, это грань, выявляющая ее многомерность. Обнаружение, использование и модификация в предмете социальных качеств только потому и возможны, что в силах и способностях человеческого индивида присутствует и реализуется его со-бытие с другими людьми, форма связи с их силами и способностями.

В бытии индивидуального человека различные грани и измерения, которые включают его в «социальный процесс», не рядоположены друг другу, они постоянно варьируются, «возвращаются», обновляются, образуют различные сочетания и «сплавы» и вносят тем самым в социальный процесс дополнительные мотивы, усиления, стимулы.

Для современного философа и теоретика это означает культивирование представлений о нелинейности социальных взаимосвязей, об их несводимости друг к другу, о зависимости многогранного социального процесса от индивидной деятельности людей.

Если мы остаемся на базе традиционных представлений об обществе, заполняемом индивидами, значит, положение о социальном процессе как о деятельности людей зависает в области традиционных абстракций. В плане практическом это указывает на то, что мы имеем в виду индустриальное общество и соответственно строим свою деятельность.

* * *

На пути полноценного представления современного социального процесса и продуктивной работы этого представления в методологии обществознания существует еще один серьезный барьер. Он поставлен в период формирования научного обществознания и закрепился в традиционном разделении труда.

Кратко его можно обозначить как принцип взаимоисключающей взаимодополнительности. Социальный процесс как некий глобальный объект поделен дисциплинами социально-гуманитарного познания на частные предметы, которые, естественно, предполагают и особую частную методологию. В результате дисциплины обществознания настроены на то, чтобы не допускать на свои территории своих «соседей» и не вступать с ними в тесное сотрудничество. Применительно к нашей теме это означает, что в одном случае человеческие индивиды рассматриваются то как социальные функции, то как носители психики, то как рабочая сила, то как творцы культуры. Но никогда как полноценные субъекты, воспроизводящие и развивающие социальный процесс.

За последние пятьдесят лет многократно раздавались призывы к интеграции обществознания. Но все они по-прежнему остаются декларациями. Поэтому в современном обществознании магистралью остается «туннельное видение» [9]. К сожалению, оно продолжает свою работу и в образовании, и в преподавании.

---

1. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2006.

2. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 399–400.

3. *Гартман Н.* Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник, 1988. М., 1988. С. 321.

4. *Кемеров В. Е.* Метафизика-динамика // Вопр. философии. 1998. № 8.

5. *Маркс К.* Товарный фетишизм и его тайны // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.

6. *Бурдье П.* Социология социального пространства : в 2 т. М. ; СПб., 2005.

7. *Giddens A.* Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L., 1979.

8. *Hartmann N.* Zur Grundlegung der Ontologie. B., 1935.

9. *Кемеров В. Е.* Проблема интеграции современного обществознания: туннельное видение // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 4(158).

Рукопись поступила в редакцию 12 октября 2017 г.